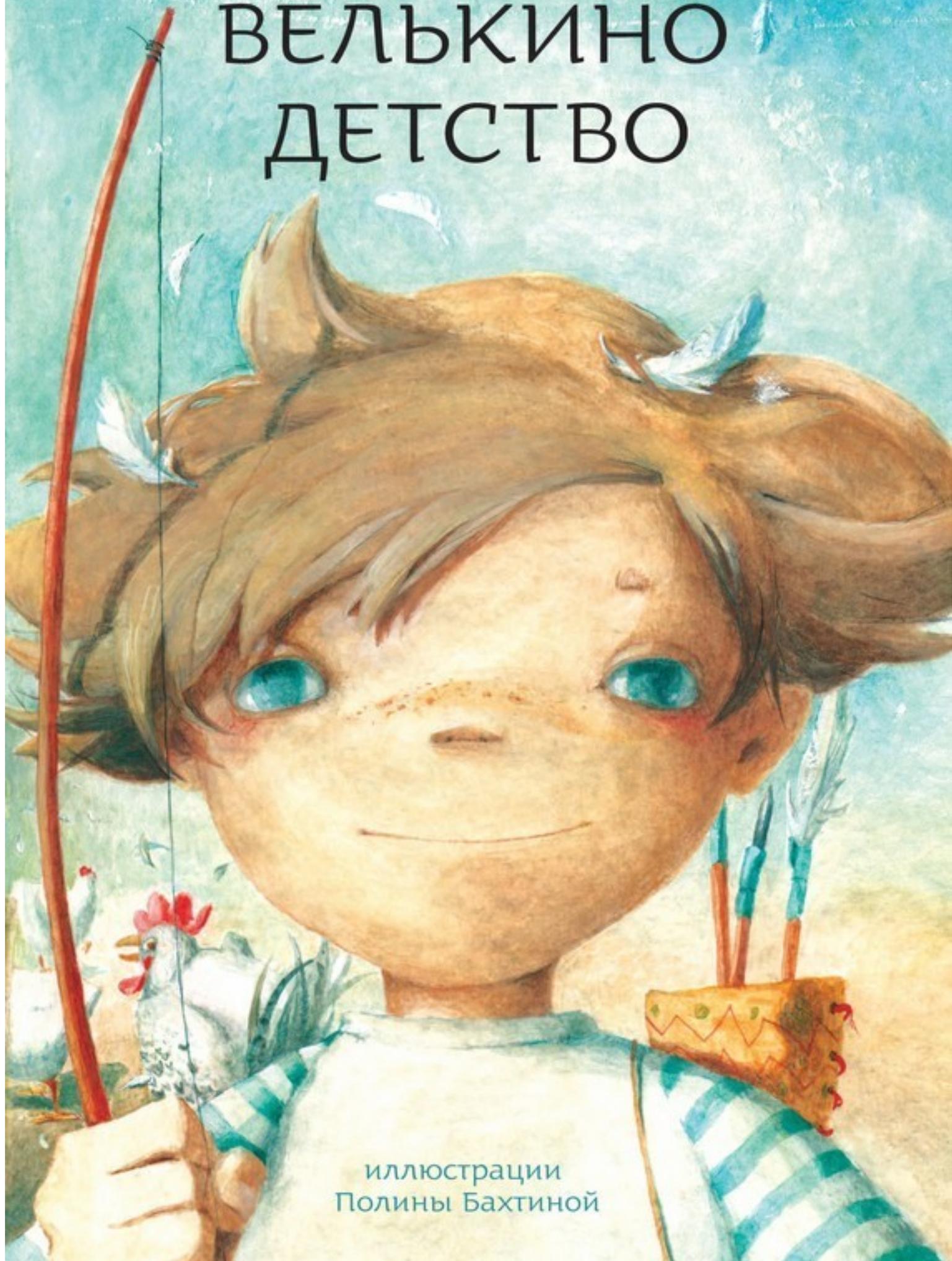

Алексей Олейников

ВЕЛЬКИНО ДЕТСТВО

иллюстрации
Полины Бахтиной

Алексей Олейников

Велькино детство

«Автор»

2015

ББК 84 (2Рос=Рус)

Олейников А. А.

Велькино детство / А. А. Олейников — «Автор», 2015

Книга рассказывает о приключениях мальчика Вельки в южной деревеньке под Ростовом, где он проводит каникулы у бабушки. Велька то и дело попадает в переделки, находит новых друзей, спасает нутрий, летает на бричке и даже случайно поджигает далёкую южноамериканскую страну Уругвай. В 2007 году сборник рассказов «Велькино детство» стал лауреатом национальной детской литературной премии «Заветная мечта».

ББК 84 (2Рос=Рус)

© Олейников А. А., 2015

© Автор, 2015

Содержание

Птица Жалейка	6
Бабка-смерть	10
Как Уругвай сгорел	15
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Алексей Олейников

Велькино детство

Издано при финансовой поддержке Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям в рамках федеральной целевой программы «Культура России».

© Олейников А.А., текст, 2014

© Бахтина П.В., иллюстрации, 2014

© Издательство «Книгарь», 2015

Птица Жалейка

Велька плакал. Горько-горько взахлёб плакал, обхватив острые исцарапанные коленки руками и опустив на них голову, и не было в этот момент человека несчастнее его на белом свете. Острые его локотки, все в подживающих ссадинах, вздрагивали от безутешного рыдания, и издали, с того берега реки, могло в наступающих сумерках привидеться, будто это большой птенец какой-то чудной птицы выпал из гнезда и теперь силится взлететь, качаясь на куцых палках ножек и взмахивая малюсенькими, ещё голыми начатками крыльев. Но никого на том берегу не было, луг давно опустел, колхозный пастух Степан уже погнал стадо домой, и багровеющее солнце уже наполовину нанизалось на чёрные зубцы далёкого леса.

От такого беспремерного одиночества Вельке стало ещё тоскливее и горше, он бы зарыдал ещё пуще, да только уж не мог и оттого стал тоскливо икать. Окажись рядом какая девочка, пусть хоть даже его сестра – противная и вредная Полинка, всё равно Велька не перестал бы реветь, такая у него была серьёзная причина.

К Вельке не приехала мама. Обещала и не приехала – «не смогла билет взять», сказала бабушка, а что его брать? Подошёл к кассе и попросил. Дайте, мол, мне билет на самый быстрый поезд до Ростова. Можно подумать, все из Москвы только в Ростов и едут. Вот если бы меня мама ждала, подумалось Вельке, я бы непременно приехал. На самолёте бы прилетел, на вертолёте. А мама не приехала. Оттого Велька и плакал, сбежав от всех, на крутом берегу речки Селинки.

Слёзы постепенно сошли на нет, а икота осталась, и Велька, икая, размышлял о своей печальной участи. «Бедный я, несчастный человек», – думал он, наблюдая, как река несёт всякий сор из детского лагеря выше по течению. «Никого-то у меня нет», – продолжил он, но тут остановился, увидев противоречие.

У него как раз были. И бабушка была, и дедушка, и даже сестра у него была – противная и вредная Полинка, которая должна была приехать с мамой. Велька почувствовал вдруг, что окажется Полинка рядом, он бы обнял её, и слова бы злого не сказал, за то что она его пластикового Супермена в форточку выкинула – посмотреть хотела, как он летает.

От такого благополучия на глазах вновь закисло слёзы, и такая жалость к себе бедному поселилась в Велькином сердце, что Селинка точно вышла бы из берегов, если бы не шёл мимо Андрейка Иванов, злейший Велькин враг, в понедельник сунувший дохлого ежа в Велькин шалаш. Хотя и Велька в долгу не остался – подрезал канат на его тарзанке над рекой, и Андрейка три дня потом соплился. Так что ничего хорошего от него Велька не ждал.

– Кх... тю, – ошарашенно кашлянул Андрейка. Ясно было, что увидеть Вельку в таком плачевном во всех смыслах положении он совершенно не ожидал.

– Шёл бы ты, Иванов, – мрачно икнул Велька и отвернулся.

– Ты... это чего? – неожиданно миролюбиво спросил Андрейка, усаживаясь рядом. – Из-за ежа, что ли?

– Да чего ёж. – Велька вдруг почувствовал жгучую потребность поделиться своей бедой, рассказать какой-нибудь живой душе, как ему плохо. – Ёж твой тут совершенно ни при чём. Я, если хочешь знать, у тебя на огороде его закопал. Мама ко мне не приехала, вот что.

– Ааа, – протянул Андрейка. – Ну, положим, ежа я давно выкопал и у тебя на заборе повесил. А вот мама не приехала – это плохо.

Он сочувственно замолчал. Смеркалось, над рекой стал подниматься туман, и ребята смотрели, как два бумажных кораблика отважно нагоняют детский носок с продранной пяткой. Из леса донёсся долгий крик какой-то проснувшейся ночной птицы, и Андрейка неожиданно сказал:

– А знаешь, у меня есть одна птица, точно для тебя.

Он порылся в кармане.

– В кармане, что ль, птица? – не понял Велька.

– Мне она без надобности, у меня мама в роддоме, а ты возьми.

Велька недоумённо повертел в руках грубую деревянную фигурку птицы с пуговками глаз и чёрной прорезью клюва.

– Не... надо дуть, – пояснил Андрейка в ответ на вялое «спасибо». Он поднёс свистульку ко рту и вылил вдруг жалобную трель, далеко прожурчавшую над водой, где струи тумана дрожали и переплетались в темнеющем воздухе.

– Что это? – от удивления у Вельки даже икота прошла.

– Это птица Жалейка. – Андрейка любовно погладил свистулю. – Возьми. Дед вырезал. Споёшь, сказал, и все печали отступают. Спой, Велька.

– Я... я не умею, – растерялся Велька.

– А тут уметь не надо.

Велька, баюкая Жалейку в ладонях, прикрыл глаза и представил себе маму – родную, любимую, без которой ему так плохо. Слезы навернулись на глаза, и в носу снова защипало, но тут Жалейка будто шевельнулась, шершавя стругаными боками ладони, и из её горла вдруг полилась песня, горькая, жалостливая, долгая и переливчатая, поплыла над водой, над туманным лугом, в котором смутными тенями бродили лошади, над самым лесом поплыла, к остро мерцающим звёздам, унося всю печаль, всю боль и горе.

Велька не помнил, как перестал петь. Мальчики ещё посидели на берегу молча, не желая и словом нарушить слишком полную тишину, затем разом поднялись и пошли через поле, навстречу широко рассыпанным огонькам села.

У самой ограды Велькиного дома Андрейка решительно шагнул в заросли жгучей крапивы и, шипя от боли от стрекавших по ногам стеблей, снял палкой что-то чёрное с забора.

– Тимке рыжему повешу, – он перехватил повыше дурно пахнущего ежа. – Он у меня голубя скрал, зараза. Ну... давай что ли... пока, – шмыгнул он носом.

– Андрейка, ты возьми. – Велька протянул свистульку. – Ты знаешь, мне легче стало, а у тебя мама в роддоме.

Андрейка помедлил и мотнул головой:

– Неа... Дарёную Жалейку назад не берут. Деду скажу, он мне новую вырежет.

– А ругать не будет?

– За доброе не ругают, – веско ответил Андрейка и, развернувшись, пошлёпал ногами по пыльной дороге, покачивая ежом. Отойдя метров на двадцать, он остановился и сказал:

– Эта... само собой... я никому ни слова. Могила, – и уже окончательно скрылся в тёплой летней темноте.

Велька тронул калитку, и петли жалостливо скрипнули, наполнив сердце сладкой Жалейкиной памятью, и так хорошо стало Вельке от этого звука, так радостно и светло, что он даже испугался – не потерял ли где свистулю?

Велька торопливо охлопал себя и успокоился – Жалейка надёжно приютилась в кармане. Мальчик прошёл тёмным двором, старый-престарый пёс Кардамон шевельнулся в будке, сонно узнавая его. Велька поднялся по скрипучим ступеням, открыл дверь и, не выпив и стакана молока, заботливо накрытого бабушкиной марлечкой, через минуту уже крепко спал.

А утром приехала мама.

Бабка-смерть

– Спасибо, ба. – Велька торопливо допил компот и, облизывая губы, поднялся.
– Куда ты собрался? – бабушка всплеснула руками. – А арбуз?
– Дела у меня, – лаконично ответил Велька, перелезая через стенку беседки – так короче, чем протискиваться мимо Полинки, недовольно ковыряющей кашу, и быстрее, чем пробираться вдоль деда, неторопливо срезающего кожицу с огурцов тонкой зелёной стружкой.

Он решительно прошёл сквозь сад, отвешивая щелбаны махровым головкам хризантем, и только у калитки задумался – а какие у него дела? Друг Андрейка вчера уехал с отцом на рыбалку, Колька укатил в Ростов, с Тимкой рыжим Велька никогда не водился, а больше приличных людей в селе он не знал. Были, правда, всякие голопузы, вроде соседского Федьки,

носящегося с галдящей оравой семилеток, но возиться с такой мелюзгой? Велька и самого-то Федыку выделял из запылённой массы локтей, коленок и панамок лишь потому, что тот как-то бескорыстно указал ему одно место на Селинке, где водились отличные подлещики. Но сейчас... Велька оглядел напрочь пустую улицу, вздохнул, подошёл к конуре и звякнул цепью. Из глубины будки вытянулись две чёрно-мохнатые лапы, затем вынырнула страшно-кудлатая башка и зевнула жёлтыми клыками. В глазах пса читался вопрос – зачем его разбудили в такую рань?

– Скучно мне, Кардамон, – пояснил Велька.

Пёс в ответ зевнул и, встряхнув ушами, полез обратно. Велька обиделся, упёрся ногами и потянул цепь на себя. В будке напряглись и сдавленно зарычали. С полминуты мальчик и пёс боролись, затем из будки показались лапы и рычащая голова. Когда азартный Велька выволок собаку наполовину, Кардамон умолк и поднял укоряющий взор. Велька устыдился и отпустил цепь.

– А ещё друг человека. Собака ты, Кардамон, последняя собака после этого, – вздохнул он. Кардамон благоразумно не возражал.

Велька с тоской оглядел пустую улицу ещё раз и собрался было уже идти в дом – рисовать карандашами, как из-за поворота, вздымая пятками облачка пыли, выбежала та самая голопузая орава и на перекрёстке мальками прыснула в разные стороны. В Велькин конец, перегоняя собственную тень, мчался как раз Федыка. Велька, донельзя заинтригованный, открыл калитку, и когда Федыка проносился мимо, за воротник втянул его во двор.

Федыка заорал дурным голосом и забился в руках не хуже подлещика.

– Тихо, тихо. Федыка, это ж я. – Оторопев, Велька разжал пальцы. Федыка, извернувшись ужом, отскочил в сторону.

– Ты чего?

– А... это ты, – Федыка ещё одурелыми глазами глянул на него.

– А то кто же? Ты чего такой?

– Я... эта, – Федыка огляделся, и хотя кругом никого не было, кроме Кардамона, высу- нувшего на Федыкины крики из будки свой нос, перешёл на шёпот:

– Ты... эта никому не скажешь?

– Да чтоб мне провалиться, – закивал заинтригованный Велька.

Федыка облизал губы.

– Мы на кладбище были.

– И что? Днём туда каждый дурак может сходить, – усмехнулся Велька.

– Ага, днём, а вчера в полночь не хочешь? – парировал Федыка. – Тебе-то слабо?

– Слышь, малёк, чего я там забыл? – Велька нацелился было отвесить ему подзатыльник, но Федыка округлил глаза и рыбкой нырнул в куст сирени.

– Ты чего? – Велька ошарашенно подошёл к сирени, не зная, что и думать. С Федыкой явно творилось что-то неладное. – Я пошутил. Вылазь, Феды. Там мурашей полно. Феды?! – Тихо ты! – яростным шёпотом откликнулся Федыка. – Вон она идёт.

– Да кто она, Федь?! – жалобно спросил Велька, всё больше убеждаясь, что с пацаном чего-то приключилось. – Вылазь, Федька.

– Она идёт, – уже прошипел Федька. – Прячься быстрее.

– Да кто она-то? – Велька завертел головой. – Да нет же никого кругом, ты перегрелся, что ли?

– Сам ты перегрелся, – огрызнулся Федька. – Вон она, на дороге, обернись, дубина.

Велька, решив припомнить Федьке дубину потом, когда этот паразит из сирени вылезет, всё же обернулся. Посреди перекрёстка, в жарком полуденном мареве и пыли стояла маленькая, сгорбленная, чёрная фигурка.

– Кто это? – почему-то шёпотом спросил Велька, которому от неподвижности этой фигурки стало не по себе.

– Бабка-смерть.

– Кто? – изумился Велька и отчётливо понял, что Федька сошёл с ума. Велька хотел сказать Федьке, что у него чердак поехал, но вспомнил, что их, сумасшедших этих, нельзя волновать. А то они буйные становятся, вон как Федька бился. Велька вдруг подумал, как плохо будет тёте Вале, Федькиной маме, когда она узнает о том, что сын у неё того. Велька лихорадочно соображал, как вытащить Федьку из куста.

– Феденька, – самым сладким голосом, каким мог, позвал Велька. – Может... эта... тебе в дом зайти, или ты пить хочешь?

– Ты что, с ума сошёл? – спросили из сирени.

– Я... нет, – запнулся Велька.

– Она же меня увидит, когда я вылезать буду.

– А что это за бабка такая? – приторно продолжил Велька, прикидывая, чем ещё помешанного Федьку поманить. Можно было, конечно, позвать деда, бабушку, они бы окружили сирень, чтобы Федька не удрал, а потом пришёл бы участковый Пётр Фомич и вынул бы этого ненормального. А ещё можно было бы поджечь сирень, тогда бы Федька сам выскочил. Но пока будешь звать-искать-окружать, он же заподозрит неладное и удерёт. А потом лови его по огородам.

– Это бабка, она на кладбище живёт, с косой ходит и чего-то бормочет под нос себе. Мы сами видели, идёт и под нос бу-бу, бу-бу, а коса здоровущая такая, так и блестит. Пацаны рассказывали, она ночью по селу ходит и в окна заглядывает. И где окно открыто, она того. Ай!

Куст затрясся.

– Ты чего там? – заволновался Велька и вытянул голову, пытаясь хоть что-то разглядеть.

– Мураши, блин. – Сирень зашуршала, из тёмной её зелени вынырнула растрёпанная голова. Федька остервенело почесал лопатку и продолжил:

– И кого увидит, того косой – чик! – провёл он поперёк шеи.

– Дурак ты, Федька, – в сердцах сказал Велька и залепил Федьке полновесный щелбан.

– Ах ты... я! – Оскорблённый до глубины души Федька свечой взвился, сжимая кулаки, но тут же изменился в лице и, охнув, упал обратно.

– Блин. Увидела, сюда идёт, – плачущим голосом возопил он из глубины сирени. – Мамочки.

– Спокойно. – Велька сглотнул комок в горле. – Я тебя прикрою.

– Мы ж ей того, помешали, – задыхающимся шёпотом зачастил Федька. – Чтоб люди больше не помирили, мы ей косу и сломили.

– Как это сломили? – сразу и не понял Велька, глядя на приближающуюся фигурку.

– Обыкновенно, молотком, – пояснил Федька, затаённо почёсываясь. – Хрясь и того...

– Совсем сдурели?

– А что – пусть лучше люди помиряют?

– Блин, давно я такого бреда не слышал, – разозлился Велька. – Вылезай, прощение просить будешь.

– Ты что, обалдел? – Федька от ужаса даже перестал чесаться. – Мне ж тогда хана. Не выдавай меня, Вель, не надо. Ну пожалуйста...

Бабка приближалась, а Велька стоял на месте. Умоляющий Федькин голос поколебал его решительные намерения, и теперь Велька не знал, что делать. Он не мог бросить Федьку в этих кустах один на один с неизвестностью, но и выдать его не мог.

Ему казалось, прошла вечность, пока старушка подошла к их двору.

– Зд-дравствуйте, – почему-то запинаясь, поздоровался Велька, когда сгорбленная бабушка в тёмно-синем платке и глухом чёрном платье поравнялась с их калиткой.

– Косу вот сломили, – тихо сказала она и показала сточенный обломок лезвия, зажатый в тёмной обветренной ладони. – Мальцы.

– Ой, как плохо, бабушка, я даже и не знаю, кто бы это мог сделать? – притворно ужаснулся Велька.

Старушка, не отвечая, поглядела на него. Сморщенное её лицо ничего не выразило. Вельке показалось, что она не видит ни его, ни дрожащих над Федькой ветвей сирени, ни звенящего цепью Кардамона, ни их дома, а смотрит куда-то очень далеко.

– Ну ладно, – она вздохнула и пошла дальше, шаркая стоптанными ботинками.

– Ну что? – из сирени вынырнула взерошенная голова Федьки. – Свалила она?

Велька глянул вослед сгорбленной спине, опоясанной платком. Щёки его горели.

– Да, – сказал он. – Дурак ты, Федька. И кличку вы ей дурацкую придумали – «бабка – смерть». Она же просто старенькая.

– Старенькая, да удаленькая, – почёсываясь, веско отметил Федька. – Я на тебя погляжу, когда ты её встретишь, с косою и на кладбище.

– Толай давай, – Велька вытянул из сирени сухой прутик и выразительно посвистел над Федькиной головой.

– А то и пойду, – независимо пробурчал Федька, выбираясь из сирени. – Подумаешь...

Он осторожно выглянул за забор и, никого не увидев, быстро стукнул калиткой.

– Ну, спасибо, что ли, – шмыгнул он носом на прощание. – Ты её, смотри, опасайся, она ведь с тобой говорила.

– Иди-иди, – Велька напутственно махнул прутиком, и Федька мигом скрылся с глаз.

Велька решил тоже прогуляться. Он прикрыл за собой калитку и, сшибая головы репейникам, пошёл по улице, пустынной и пыльной. Из головы не выходила «бабка-смерть», её шаркающая походка и руки – загорбелые и тёмные.

Мало-помалу он вышел за околицу. Дорога исчезала вдали меж жёлтыми гречишными полями, и где-то вверху, под самым солнцем, звенел жаворонок. Воздух тёл над ним прозрачной блистающей рекой, между белых громад кучевых облаков, и Велька, заглядевшись в небо, потерялся во времени. До ближней рощи ноги донесли его сами. И оттуда, из тени меж стволов, ему в глаза ударило ярким блеском. Велька подошёл, потрогал прутья ограды, горячие от солнца, и удивился – как его сюда занесло.

Он совсем забыл, что в этой роще было старое деревенское кладбище. На нём уже не хоронили, возили на новое – за бугром, куда Велька ещё не забрался. Он на старом-то был всего раз, однажды с бабушкой, на Родительскую субботу, когда приезжал на весенние каникулы. Бабушка тогда надела белый платок, и они долго стояли в церкви. В высоком полутёмном зале толстый батюшка громко и непонятно пел басом и махал коробочкой с угольками. Сладкий дым от коробочки струился по тёмному воздуху, проплывал мимо тёмных икон, больше скрытых красноватым дрожанием свечей, чем высвеченных, и поднимался вверх, к сияющим узким прорезям окон над большой потушенной люстрой. Вельке хотелось подойти и потрогать эти прозрачные дрожащие пласты, но он держал свечку. Горячий парафин стекал ему на пальцы,

но Велька терпел, потому что бабушка сказала, что в церкви нельзя ругаться, а надо терпеть. Потом он утешился – перехватил свечку ниже и начал катать шарики из остывающих потёков парафина.

После они шли за околицу, в рошу, нагоняя соседей с корзинками, накрытыми полотенцами, и бабушка долго сидела и что-то шептала у покосившегося обелиска с полустёршейся красной звездой.

Всё это разом вдруг ему вспомнилось. Велька огляделся – никого кругом не было. Он тихонько перелез через ограду, бочком протиснулся мимо могилы и, выйдя на дорожку, пошёл, посвистывая прутиком в воздухе.

Было тихо-тихо, золотые лучи отвесно пронизывали сумрак, и Велька постепенно наполнился той же тишиной, опустил прутик и уже медленно шёл по тропинке, как вдруг увидел – чёрная, страшная, сгорбленная тень, хищно поводя косой, упала на его пути. Дыхание у него перехватило, сердце суматошно затрепыхалось в груди, и Велька разом припомнил все рассказы про кладбища и мертвецов. В рассказах дело всегда происходило ночью, но оттого, что сейчас был день, Вельке стало ещё страшнее. Тень, взмахивая косой, со зловещим шарканьем и свистом приближалась, и ему показалось вдруг, что всё это происходит не с ним. Велька, обмирая от страха, стал медленно сползать по дереву. Удары сердца оглушали его и...

– Мама! – пискнул Велька, от ужаса жмурясь и заранее перестав дышать.

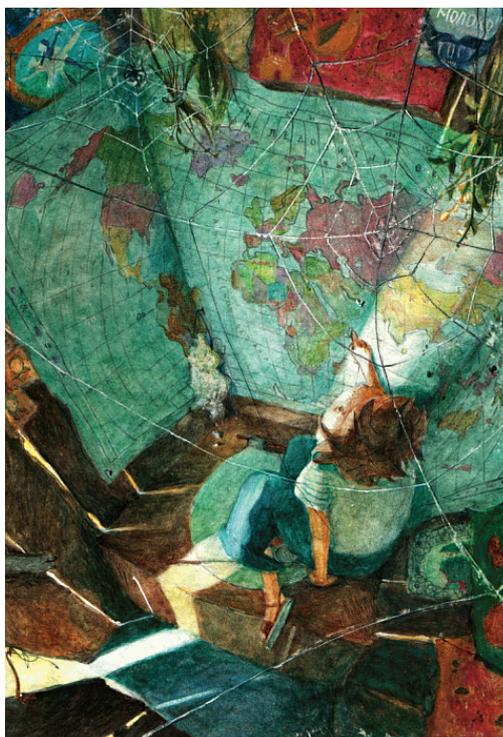
Старушка – «бабка-смерть», не замечая его, прошла мимо. Сгорбившись и подоткнув подол, она обошла могилку и продолжила обрубать сорняки обломком косы.

Велька открыл глаза и непонимающе посмотрел на неё. Собрав срубленные сорняки в густой веник и обметя им могилу, старушка присела возле креста и, обняв его, некоторое время сидела. Послеполуденное солнце обнимало её длинными лучами, и таким покоем повеяло на Вельку, что он замер, почти не дыша, и не двигался, пока, наконец, бабушка не встала, утёрла платком глаза, перекрестилась, поклонилась до земли перед могилкой и, подхватив лезвие, побрела к выходу.

Спустя некоторое время Велька отклеился от дерева и подошёл к кресту. С выцветшей фотографии на него устало смотрел старик в неловко сидящем костюме. Перед ним лежал подсохший букетик полевых цветов и стояла стопка водки, накрытая кусочком хлеба. Велька положил свой прутик у креста и пошёл к выходу.

Как Уругвай сгорел

Туалет у бабушки был удивительное место – маленький покосившийся домик с плоской крышей волнистого шифера. Давным-давно он был выкрашен синей краской, теперь выцветшей и запылённой. Велька поддевал её ногтем, и сухая ломкая пластинка тотчас отслаивалась и, кружась, падала наземь.

Внутри совсем не пахло туалетом: стоило только прикрыть за собой дверь, и в нос тут же пробирались васильковые, ромашковые, зверобойные, шалфейные и прочие, неизвестные Вельке, травяные запахи. Бабушка развешивала душистые пучки под потолком, и между ними висели тонкие нити паутин. Когда Велька был совсем маленьким, он думал, что там, в густой пахучей темноте, живут особые, совершенно травоядные пауки, которые не ловят мух, а паутины вьют, потому что уж очень красиво получается.

Стены были скрыты до самого верха красивыми крышками от тортов и конфетных коробок, которые когда-то надарили бабушке с дедушкой, а на всю заднюю стену, заходя на боковые, горделиво раскинулась карта мира. Часто, забежав в туалет, Велька подолгу засиживался, рассматривая причудливые очертания материков, скользил пальцами по тугим изгибам меридианов, считал россыпи островов, и от чужих названий запинался и уставал язык.

География эта так его занимала, что Велька был готов часами просиживать в туалете.

Он сам, ещё до школьных уроков, догадался о тайной связи Южной Америки и Африки. Просто однажды заметил, как ровно друг в друга вкладываются края континентов. Пальцы его блуждали за кораблями греков из Средиземного моря в Чёрное и Красное моря, к варварам и фараонам. Оттолкнувшись от угла Испании, он следовал за Колумбом и терялся в россыпях названий островов и городов – Куба, Гаити, Барбадос, Ямайка, Мехико, Гавана, Каракас...

К великому его сожалению, Южная Америка приходилась как раз на угол, и большую часть континента закрывал собой огромный моток ваты на капроновой верёвке. Вата висела для всяких нужд и всегда Вельку раздражала. Он отодвигал её и читал: «Амазонка, Рио-Гранде, Рио-де-Жанейро, Бразилия, Аргентина». Хуже всего был виден загадочный край Уругвай – он был под самой ватой, и как её ни отодвигай, полностью разглядеть далёкую южноамериканскую страну было нельзя.

Велька весь извёлся и совсем уже извертел несчастный моток, когда однажды ему пришла в голову гениальная идея, просто-таки заворожившая его.

Часто он отщипывал маленькие комки ваты и методично растрёпывал её так, что вата почти растворялась в воздухе – становилась лёгким, полным прозрачности клубком. Вдоволь налюбовавшись, как солнце пронизывает тонкие нити, он медленно чиркал спичкой и поджигал их. Пламя мгновенно охватывало комок: вспыхнув, он сторал вмиг.

Велька частенько поглядывал на огромный моток ваты, и в нём постепенно зрела большая мысль. Настолько большая, что она заслонила все соображения о пожарной безопасности и подавила слабый голос благоразумия.

К тому же его невыразимо манил Уругвай. Казалось, если он устранил эту вату и полностью откроет карту, то Уругвай откроет ему все тайны мира. Велькой в тот миг двигал священный трепет европейцев-первооткрывателей, которые когда-то обогнули весь земной шар, желая закрасить все белые пятна на карте мира. Для Вельки же таким белым пятном, «терра инкогнита» – таинственной землёй – был потаённый под ватой Уругвай.

Отчего-то идея просто снять моток ему и в голову тогда не пришла. Священный трепет и жажда географических открытий совсем опьянили ему голову.

И вот однажды, одним июльским утром, настал тот самый миг открытия. Незаметно стянув коробок спичек, когда бабушка ушла в кладовку, Велька шмыгнул к туалету.

Он осторожно закрыл за собой дверь на крючок и прислушался. Всё было как обычно: бабушка гремела кастрюлями на кухне, дедушка мерно стучал молоточком в гараже, а Поинка ещё и не просыпалась. Громче всех звуков был стук Велькиного сердца.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.